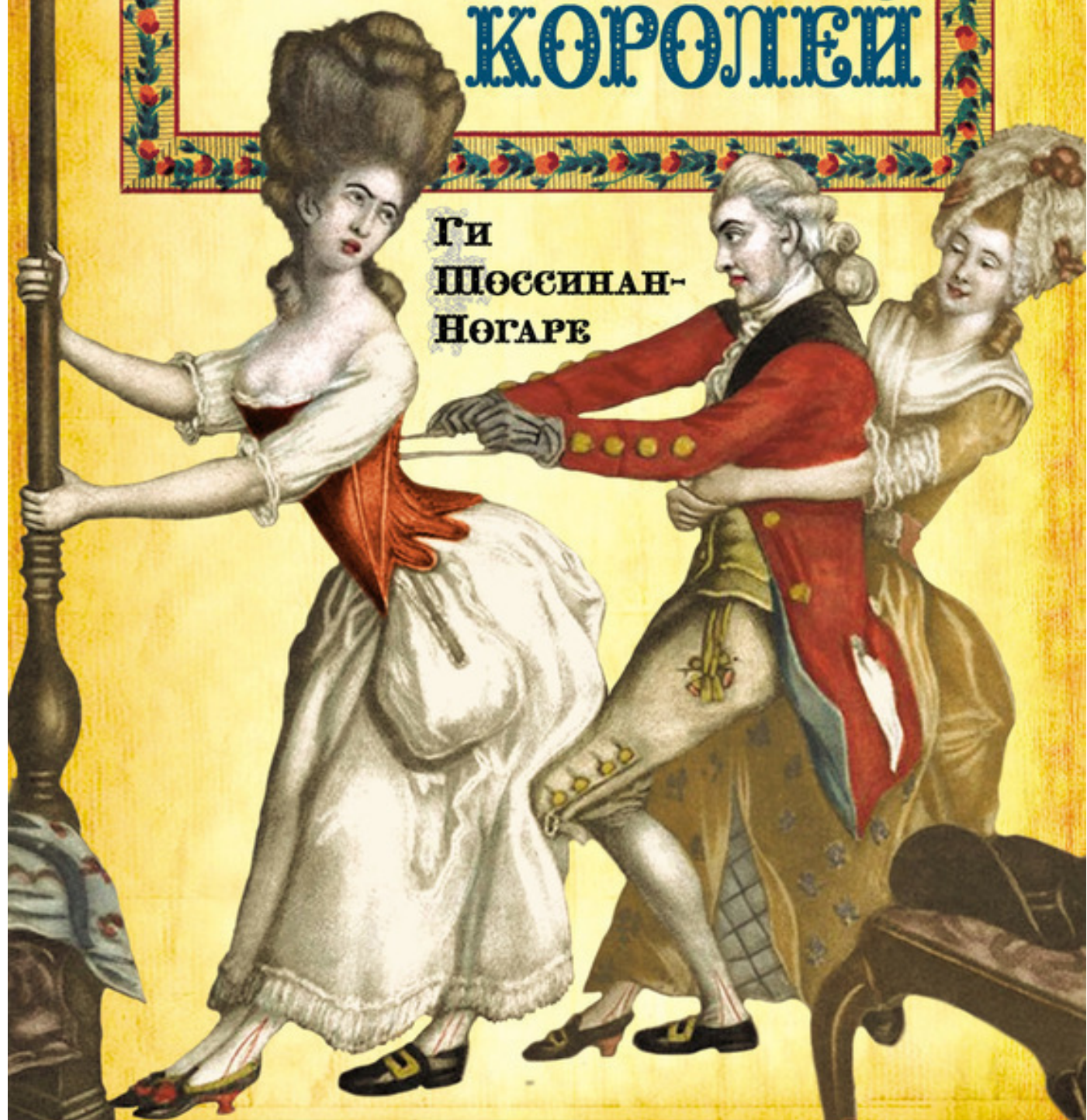

ЖЕНЬ И ВОЗЛЮБЛЕННЫЕ ФРАНЦУЗСКИХ КОРОЛЕЙ

И
ШОССИНАН-
НОГАРЕ

КАК ЖИЛИ ЖЕНЩИНЫ РАЗНЫХ ЭПОХ

Как жили женщины разных эпох

Ги Шоссинан-Ногаре

**Жены и возлюбленные
французских королей**

«Алисторус»

1990

УДК 94(092)(44)
ББК 63.3(4Фра)-8

Шоссинан-Ногаре Г.

Жены и возлюбленные французских королей / Г. Шоссинан-Ногаре — «Алисторус», 1990 — (Как жили женщины разных эпох)

ISBN 978-5-906861-07-8

Король, королевы, фаворитка. Именно в виде такого магического треугольника рассматривает всю элитную историю Франции XV–XVIII веков ученый-историк, выпускник Сорбонны Ги Шоссинан-Ногаре. Перед нами проходят чередой королевы – блистательные, сильные и умные (Луиза Савойская, Анна Бретонская или Анна Австрийская), изощренные в интригах (Екатерина и Мария Медичи или Мария Стюарт), а также слабые и безликие (Шарлотта Савойская, Клод Французская или Мария Лещинская). Каждая из них показана автором ярко и неповторимо. Не менее убедительно в книге воссозданы образы знаменитых фавориток: Агнессы Сорель, Луизы Лавальер, маркизы Помпадур, маркизы Монтеспан, Дианы де Пуатье, оказывавших тайное и явное влияние на жизнь и политику королей. Автор книги сделал многое для понимания истинной роли женщины в истории столь отдаленной от нас романтической эпохи.

УДК 94(092)(44)
ББК 63.3(4Фра)-8

ISBN 978-5-906861-07-8

© Шоссинан-Ногаре Г., 1990
© Алисторус, 1990

Содержание

Введение	5
Глава первая	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Ги Шоссинан-Ногаре Жены и возлюбленные французских королей

Введение Многоликая королева

Эта книга – вовсе не анекдотичная, фривольная и игривая история любовных похождений принцев в духе нескромных и бойких писаний Брантома или элегантного и легкого пера Бюсси-Рабютена, и если в ней присутствуют некоторая вольность и крепкие обороты, то лишь потому, что раскованность и несдержанность речи были свойственны французским королям, в то время как их двор неизменно демонстрировал верх французской галантности.

Жены и возлюбленные королей... Возможно, многочисленные нападки на них вызывают удивление и могли бы показаться странными, если помимо их обилия не учитывать моральных, социальных и политических аспектов, не имевших никакого отношения к королевской власти. Действительно, короля всегда окружала масса женщин – и супруга, и мать, и сестры, и целые батальоны их служанок, компаньонов и дам, которые с конца XV века своим присутствием сглаживали грубость королевского двора. Безусловно, приход женщин двора к власти, долгое время сосредоточенной в мужских руках, введение новых форм этикета, мышления и образа жизни в соответствии с полом, повлекли за собой серьезные последствия для королевской семьи. Действия, вызванные сексуальными поступками и эмоциями короля, оказывали на монархическую политику определенное женское влияние, что подчас приводило к великому потрясению дворцовых устоев, внося фактор беспорядка, но иногда играя и позитивную роль. Феминизация двора означала не только феминизацию всей французской цивилизации, культуры, искусства и обычаев, но также революцию чувств, нравов и всей социальной жизни того, кто стоял во главе французской монархии и символизировал ее, то есть короля. Женившись по политическим соображениям, и чаще всего без малейшей личной склонности, он, естественно, обращал свой взор на свиты королевы и принцесс – настоящие эскадроны девиц и молодых женщин, цветники свежести, красоты и вседозволенности. Избрав из них одну, он любил ее, наряжал и одаривал. Придворные обычно с самого начала включались в игру этой сверкающей бабочки, ослепительной и чарующей, чтобы продлить удовольствия своего короля, его развлечения, чудесные праздники и обновить его увеселения. Но они же и превращали ее в орудие возвышения и опалы, в средство своего влияния и ловко делали на нее ставки. Иногда они сами избирали для короля и приводили к нему в постель послушный объект своих устремлений. А король желал, чтобы вокруг него все было понятно и не существовало никаких тайн. Он возвышал свою возлюбленную, помещая ее рядом с собой, и на одну ступень с династической королевой ставил королеву любви и красоты. Таким образом, у него оказывалось две женщины: одна по необходимости, другая – для удовольствий. Одна для соблюдения закона, другая – для души. Имя возлюбленной не держалось в секрете, при ярком свете и в полном блеске король представлял возлюбленную своим подданным, чтобы они воздавали ей честь. Она жила под его крышей, соединяя со своим положением госпожи и фаворитки роль наложницы, и рожала королю детей.

Мария Антуанетта и Людовик XVI в саду Тюильри с мадам Лэмбэйл

Вследствие этого домашняя жизнь короля приобретала большую сложность, и его «домострой» самым радикальным образом отличался от моногамной модели христианской семьи. Христианнейший французский король был в действительности многоженцем. Этот термин не обозначает здесь чего-либо незаконного. Супруга и наложница(цы) жили бок о бок в доме короля, и та и другая давали ему биологическое потомство. И хотя только королева могла обеспечить продолжение династии, тем не менее отцовская любовь и интересы государства нередко возводили на трон бастардов. Образование детей, как рожденных в браке, так и незаконных, тоже строилось в соответствии со структурой полигамной семьи: по желанию суверена их могли вскармливать и воспитывать совместно. Каждая женщина короля имела свое официальное место и свой признанный статус, но у королевы, с благословения церкви, он был постоянен (за исключением случаев развода), в то время как положение фаворитки отличалось шаткостью и непрочностью. Иерархические отношения между ними свободно переставлялись, причем совершенно официально: из двух женщин – жены, часто поблекшей, и молодой, прекрасной и сияющей возлюбленной – настоящей королевой редко являлась та, которая носила этот титул законно, в силу своего брака. Случалось, что именно законная супруга ухаживала за владительницей сердца короля. Вообще при описании королевских семей необходимо постоянно учитывать колеблющееся соотношение между духовным и мирским, легитимным и незаконным, непорочным и распущенным, из чего, собственно, и складывалась публичная и частная жизнь короля.

Король Франции, даже не будучи ревностным католиком, в любом случае – христианнейший. Поэтому он вступал в брак по законам церкви. Его брак являлся делом государственным и сводился к заключению договора, призванного упрочить союз между двумя странами, подкрепить перед королем права принцессы и завершить территориальное формирование коро-

левства. В отличие от наложницы, которая не могла предложить королю ничего, кроме своей сорочки, королева приносила приданое. Ее роль не была чем-то особенным сверх этого. Ее последующее отступление на задний план не всегда, но часто, объяснялось дополнительными причинами: иностранка, безразличная королю особа. Едва ли у нее имелась возможность проявить свои достоинства и, сверх своего естественного призвания (обеспечивать продолжение династии), играть настоящую политическую роль. Лишь в периоды регентства ей иногда удавалось продемонстрировать сильную волю, особенно во время смут, возбуждавших большие аппетиты. Жизнь королевы знаменовалась тремя событиями: замужество, когда она становилась ставкой в чужой политической игре, беременность, когда она обеспечивала наследника престола, и, наконец, регентство, на время вверявшее ей власть.

Помимо этих значительных периодов – и за исключением нескольких более ярких личностей, сумевших воспользоваться молодостью, любовью или слабостью короля, как, например, Мария Стюарт или Мария-Антуанетта, – влияние королев, если оно вообще имело место, погружено во мрак, в большинстве же случаев они просто превращались в ничто. Поэтому королевы искали прибежища в религии, постоянно стремились поддерживать благопристойность и хотя бы видимость добрых супружеских отношений в королевской семье. Они часто собирали вокруг себя людей, слывших при дворе благочестивыми и мрачными, враждебно настроенными к радостям короля, к его политике и к влиянию его возлюбленной. Часто королевы превращались в центр оппозиции. Но они также задавали тон при дворе, смягчали общественные порядки, делали их более цивилизованными и блестящими, превращая их в образец согласия и соблюдения приличий, заводили бесчисленные свиты женщин, придворных дам и фрейлин. Начало этому положила Анна Бретонская, которая привезла во Францию нравы своего весьма феминизированного и просвещенного двора. Дома королевы и принцессы становятся блестящими сералями, где король может вволю черпать себе фавориток; и не случайно правление могущественных любовниц начинается именно с того момента, когда окончательно формируется женский элемент двора, с одной стороны, открывший двери радостям распутства, но с другой – благотворно повлиявший на смягчение общественных нравов. Если учитывать, что жизнь общества, по крайней мере до XVIII столетия, была лишь продолжением жизни двора, то важность этой революции измеряется распространением цивилизованности и просвещения за пределы того очага, где она зародилась.

Рядом с королевами, из чрева которых рождались дети-полубоги, призванные царствовать в будущем, среди королевских избранниц попадались и куртизанки, эти жрицы наслаждения, отодвинутые в альковы распутства, в тайный «Олений парк» одного из королей. Но обычно ничего подобного не происходило, и фаворитка, блистающая на первом месте среди звезд двора, нередко отпрыск благородного, но захудалого рода, внезапно перерождалась в привилегированного конкурента с громким титулом, пожалованным королевской грамотой. Она – первая звезда в королевской галактике, и у королевы нет перед ней преимуществ, кроме законного превосходства. «Вы преходящи, – могла сказать она фаворитке, – а я останусь здесь навсегда». Впрочем, обе женщины обычно имели достаточно свободного времени для взаимных наблюдений и для того, чтобы возненавидеть или зауважать друг друга, ибо жили они в удивительно тесном соседстве, разделяя интимную близость короля.

Короли никогда не сдерживали себя в желании вволю порезвиться в своем дворце и взять приступом служанку, фрейлину или блудницу. Но все же Карл VII (1403–1461) создал беспрецедентное положение для Агнессы Сорель, когда королевская любовница заняла при дворе официальное место. При Франциске I правление фаворитки, сопровождаемое всеми проявлениями престижности и влияния, превратилось в государственный институт, которому отдали дань все последующие Валуа и династия Бурбонов. Звание королевской любовницы приобрело особое достоинство, сопровождаемое обрядами и протоколами, которые италиянизация французского двора в какой-то степени даже навязала королю, а желания и эмоциональные

потребности довершили все остальное. Отныне фаворитка стала играть первую женскую роль в великом монархическом спектакле и в символике королевской власти. Она превратилась в аллегорический персонаж, с эротической двусмысленностью соединивший право первой ночи главного сеньора Франции и сверхъестественное плодородие государя-сверхчеловека. Истинный мифологизированный портрет короля обязательно завершался образом его возлюбленной. Диана де Пуатье дошла до того, что присвоила себе образ богини-луны, а ее королевский возлюбленный согласился почитать ее. Любимица Генриха III – «миньона» Рената де Шатонеф была воспета поэтами в виде Венеры, а двор сравнивал ее с солнцем.

Эта аллегория, усиленная и поддержанная властью и честолюбием, в классическую эпоху привела к солярной идеализации Людовика XIV и к причудливому обожествлению государства. Но миф мог быть развеян, а богиня исторгнута из своих сфер и сброшена в адское обиталище. В таком случае отныне она превращалась в пагубную и похотливую чародейку, которая вовлекла в оргии и беспутство своего царственного возлюбленного, и поэтому закатывалась его звезда. Карл VII, полностью отдавшийся женщинам в конце своего правления, Людовик XV, из-за своих любовниц презираемый всеми, познали это падение сполна.

Диана де Пуатье (1499–1566) – возлюбленная и официальная фаворитка короля Генриха II Французского

Но фаворитка – это не только выдумка влюбленного воображения и символика королевской власти, могущества и мужественности. У нее имелась и своя должность. Часто, прибрав к рукам искусство, художественную литературу и нравственность, она получала весьма высокий статус, который распространялся на все и принуждал к повиновению даже министров. Впрочем, власть, обретенная преимуществом в любви и слабости к ней короля, в какой-то мере оставалась домашней. И можно только удивляться тому, что все, что было во Франции богатого, прекрасного, достойного и талантливого, приносило свою дань к ногам этого существа,

почитаемого порой словно идол. Королевская фаворитка – это ярко выраженный архетип придворного. Считалось, что через физический контакт и разделенную любовь в ней проявлялись благочестие и абсолютно полная самоотдача подданной своему господину. Всякая придворная дама мечтала стать любовницей короля, чья наложница являлась некой эротической ипостасью. Королеве, родительнице и наставнице, противопоставлялась аллегорическая любовница, которая своим даром плоти символизировала мистическую любовь подданных к государю.

Однако фаворитка была не только мифом вырождающейся идеи рыцарства, в котором дворянство черпало силы для своего утешения и выполнения благородных феодальных повинностей. Она также являлась главной связующей нитью между амбициями, заговорами и интригами, и сама с целой армией женщин при поддержке своих сторонников участвовала в распрях двора, в борьбе за власть и сферы влияния. Возглавляя собственную партию, она располагала главным козырем в лице короля. Иногда конкуренция нескольких дам давала сравнительно равные выгоды, и двор превращался в сераль, где соперничали сторонники разных фавориток. Так, конец правления Франциска I отмечен противостоянием между герцогиней д'Этамп, возлюбленной старого короля, и Дианой де Пуатье, направившей свои чары на нетерпеливого дофина – будущего Генриха II.

Иногда избранница короля занимала свое положение вовсе не по случайности любви. Придворные, фавориты и министры обычно выступали посредниками в таких делах, не брезгуя сводничеством, и подчас торг шел полным ходом. Возлюбленная в постели короля – это удача для благополучия семьи, покровительство для ее друзей, а иногда – власть и надежда на великую судьбу. Не последнюю роль в королевской проституции играли деньги: например, семья д'Антраг потребовала воз экю за то, чтобы уложить Генриетту в постель Генриха IV, чья скупость вошла в поговорку. Кроме того, фаворитки имели разные характеры: некоторые были ласковы и бескорыстны, а другие – неприветливы, жадны и ненасытны. Диана де Пуатье, бессмертная богиня-луна, воспетая поэтами, пленившая Генриха II, слыла властной женщиной и навела в королевстве порядок, внушив своему царственному возлюбленному ненависть к гугенотам с банальной целью – присвоить их конфискованное имущество.

Когда фаворитка вводилась в должность, вставал вопрос и о ее обеспечении, и о ее будущем. Часто она получала богатые имения, титулы, ренты, но все же ее позиция оставалась ненадежной. В любой момент она могла утратить любовь своего господина или быть вытесненной проворной соперницей. Враги могли навлечь на нее немилость короля, случайная неловкость приводила к падению. Сохранить привязанность возлюбленного, особенно если он отличался непостоянством, становилось главной задачей королевской султанши. Чтобы удержаться надолго, ее господству следовало стать основательным как в отношении любви и желания, так и в отношении методов подчинения короля. Если монарх слишком влюблялся, и обстоятельства ей благоприятствовали, фаворитка могла выдвинуть самые непомерные требования, в том числе безумную мечту женщины и придворной, – сделаться королевой-возлюбленной и добиться от короля единственно невозможного для любовницы: его руки. Подобные повсеместно порицаемые амбиции вызвали смятение и беспорядок в хозяйстве монархической системы. Женитьба короля находилась в сфере компетенции дипломатии, выбор супруги зависел от интересов государства, а не от велений сердца. Старорежимная Франция почитала власть и чувства короля, прощая ему капризы, однако не терпела, если он осмеливался нарушать свои обязанности – те самые гипотетические, заменявшие конституцию, «фундаментальные законы», предписанные традициями и обычаем. Если король проявлял к ним неуважение, он сталкивался с оппозицией хмурых подданных, которые объявляли государство в опасности, а свои права поправными. В этом случае король больше не являлся представителем французской монархии, славной идеальным сочетанием прекрасного совершенства и уравновешенности. Его сравнивали с восточным деспотом, называли исключением среди добродетельных и мудрых государей. Король должен был от всего сердца принять эту повинность, и женитьба по

политическим соображениям являлась наиболее настоятельным требованием. Но если он не имел законной жены, то есть был вдов или разведен, если он был сильно влюблен или в полном подчинении у своей возлюбленной, то искушение обойти условности, приличия и интересы государства могло оказаться очень велико. Собственно говоря, такое случалось редко. Генрих IV впервые вознамерился поступить подобным образом ради Габриэль д'Эстре, и, несмотря на вызванный его проектом скандал, он реализовал бы свой замысел, когда бы внезапная смерть возлюбленной не уберегла его от безрассудства столь преступного, что все добропорядочные люди во Франции открыто порицали короля. Наконец, только один-единственный государь решился на этот шаг. Следует ли удивляться, назвав самого могущественного и самого надменного из королей! Людовик XIV женился на своей любовнице (хотя он боялся осуждения церковью, отличался благочестием и постоянно каялся), окружив все тайной, – конечно же, это был секрет Полишинеля, – но видимость была соблюдена.

Один из важнейших вопросов, который встает в связи с чувственной жизнью короля, касается точной позиции его фаворитки (а равным образом, и бастардов) в структуре семьи и в политической организации двора. Ее статус неопределим – одновременно второстепенный и центральный, всегда двусмысленный и часто временный, ибо одна любовница сменяется другой. Конечно же, она дама короля, избранная им, что обеспечивает ей твердую позицию. Но она не могла долго сохраниться в этом очаге интриг, ревности, подлости и низменных поступков, обычных для Лувра, Фонтенбло и Версаля, если только она сама не подобна им, сама не вдохновляла могущественные заговоры, сближавшие министров, сановников и фаворитов короля. Как уже говорилось выше, удовольствиям монарха иногда помогали министры, дабы упрочить свое положение. Фаворитка могла оказаться умна, честолюбива, обладать воображением, вести свою политику и навязывать ее королю, могла иметь друзей, которых она устраивала на высокие должности и руководила ими. Даже если она была скромна и не вмешивалась в политику явно, в любом случае она раздавала королевские милости, более или менее сдержанной заступницей выступала между королем и его подданными и своими благодеяниями создавала себе клиентуру посвященных. Таким образом, нарушалось равновесие между королевой и любовницей: одной причитались безразличие и почет, другой – любовь и влияние. Первая, находясь в изоляции, не получала ничего, кроме дани уважения по договору, печально перегруппировывая вокруг себя добропорядочность, злобу и оппозицию, не предпринимая политических шагов и не обладая средствами сделать что-либо, почти всегда не имея твердой опоры, на которую можно было бы рассчитывать. Другая, напротив, с весельем и удовольствием сосредоточивала в своих руках позолоченные ниточки милостей и амбиций. На долю королевы приходились слезы, молитвы и самоотречение, на долю любовницы – любовь, деньги, власть и празднества.

Таким образом можно утверждать, что между женщинами короля имело место разделение ролей, специализации и функций. Королева воплощала порядок и законность, ортодоксию и консерватизм. Любовница, напротив, – удовольствие, живость и созидание. Часто она выступала вдохновительницей и покровительницей литературы и искусства. Архитекторы возводили храмы во славу ее божественности: Филибер Делорм и Бенвенуто Челлини в парке замка д'Анет создали символический архитектурно-скульптурный ансамбль, где фаворитка уподоблялась богине-созидательнице Диане – охотнице за силами зла, просвещенной и влиятельной советчице своего возлюбленного – принца. Поэты оспаривали друг у друга честь воспеть ее красоту, могущество и добродетель, ибо на нее не распространялась вульгарная человеческая мораль, ведь нет греха в том, чтобы спать с королем – героем, о ком по праву грезил все красавицы. «Все дамы влюблены в великого короля, – сообщает Брантом, – и это признак того, что в той, которая внушает ему любовь, изобилует и царит совершенство. Воистину красота, дару-

емая небесами смертным, не распыляется на полубогинь»¹. Поэты слагали вирши для оживления праздников, превознося любовь, и так как мифология уступила место рационализму, то аллегория вынуждено отходит в сторону, и возлюбленная достигает небес. И это еще не все, ибо она тут же помещается в новый пантеон – в тот, что создан философами. Поэтому Вольтер так выразился о кончине мадам де Помпадур: «Она была из наших».

Поскольку общество из корыстных побуждений и склонное к мимикрии широко подражало двору, то можно считать, что оно эволюционировало в ритме успехов королевской возлюбленной. В остальном же, не предназначавшемся для фавориток, роль монополизировала королева. И Анна Бретонская, и Екатерина Медичи, привнеся нравы бретонского и итальянского дворов, сыграли решающую роль в эволюции придворной культуры, в облагораживании и «итальянизации» всего французского общества. Но в целом именно благодаря фаворитке рождалось новое, она задавала тон, создавала образец, оказывала духовное влияние на творения искусства. И это совсем не пустая суетность – например, стиль Помпадур. Меценатка, покровительница писателей, поэтов и художников, она дарила творческое вдохновение. Король, без сомнения, тратил на нее большие средства, перестраивал дворцовые покои по ее замыслам для ее комфорта и удовольствия, устраивал балы, спектакли, пиршества, которые требовали участия актеров, танцоров, музыкантов, людей искусства всех жанров. А для удовлетворения ее потребностей в роскоши и красоте, и также для ее блеска в свете нужны были комедианты, поэты и льстецы. Она назначала пенсии литераторам, чтобы они пели ей дифирамбы, восхваляли ее прелести и добродетели. Она нанимала артистов, чтобы они развлекали короля – верное средство сохранить его и доставить удовольствие, – и мастеров для устройства и убранства любовного гнездышка, достойного суверена, в чем нашли выражение основные этапы творчества архитекторов (от Анета до Лувесьенна), декоративного искусства и французского эстетического стиля вообще. Ибо французы и парижане утвердили французский и парижский стили при дворе, где королевы-иностранки обрели возможность вводить подражание образцам их родины, что некоторым из них удалось с успехом.

¹ Des Dames galantes, Gallimard, collection Folio, p. 335.

Жанна-Антуанетта Пуассон (1721–1764), более известная как маркиза де Помпадур – официальная фаворитка (с 1745 г.) французского короля Людовика XV, которая на протяжении 20 лет имела огромное влияние на государственные дела, покровительствовала наукам и искусствам

Источник наслаждений, богиня мудрости и жрица любви, королевская возлюбленная иногда оказывалась в непредвиденной и скандальной ситуации, посягая на главную прерогативу королевы: обеспечение будущего династии. Единственный случай такого рода был вос-

принят как провокация, и Сен-Симон осудил дерзость подобной чрезмерности как проявление тирании в интимной жизни монарха. До своего брака с Марией Медичи бездетный Генрих IV дал Генриетте д'Антраг письменное обещание жениться на ней, но с оговоркой, что она непременно должна родить от него наследника престола. Но лишь Людовик XIV, не признававший никаких преград для собственных желаний, потребовал письменно узаконить своих бастардов от маркизы де Монтеспан, что давало им все права королевских детей, «рожденных в законном браке», и в порядке наследования закрепляло за ними право вступления на трон. Чрезвычайная, парадоксальная ситуация, хотя и вызванная особыми обстоятельствами. Впрочем, противоречия не редки, даже в документах встречается смещение иерархии. С фавориткой могли обходиться, как с истинной королевой Франции, она могла получить преимущества перед королевой и принцессами. По дворцовым законам физическая близость к особе короля определяла не только уровень вольности, но и реальный порядок рангов. Расположением апартаментов, продолжительностью и частотой общения, особенно в соляной архитектуре Версаля, устанавливалась своеобразная шкала ценности и маркировалось место и значимость каждого лица. Местоположение жилища отражало степень влиятельности своего обитателя при дворе, более высокую или более низкую, на что указывало соседство или отдаленность по отношению к королевским покоям. Возлюбленная проводила с королем больше времени, чем королева, которая обычно довольствовалась одним коротким визитом в день, поэтому комнаты фаворитки были смежными с апартаментами ее августейшего возлюбленного. В 1676 году в Версале королева занимала одиннадцать комнат в третьем этаже, а мадам де Монтеспан – двадцать комнат во втором. Много можно рассказать о том, что объединяло короля и королеву, короля и его возлюбленную, о силе той и другой, а также о борьбе придворных за увеличение их влияния. Впрочем, личной властью или вмешательством охраны король всегда мог принудить свое окружение – которое не осмеливалось ему перечить и иногда даже предупреждало его приказы – воздавать королевские почести фаворитке. Когда Генрих IV направился в Руан, чтобы поддержать Генеральные Штаты (1596), он настоял на том, чтобы городские советники и парламент Нормандии приняли Габриэль д'Эстре со всеми королевскими церемониями, а президент парламента Грулар произнес перед ней приветственную речь. Сестра короля, Екатерина Наваррская, присоединившаяся к королю в этой поездке, довольствовалась гораздо более скромными почестями.

Покровительство фаворитки выходило за рамки королевства, и дипломатия считалась с ее властью, от которой нередко зависело подписание договора или получение кредита, судьбы принцесс, война и мир. Иностранные послы, среди них и сам папский нунций, наносили ей первый визит и ей же передавали письма государей и послания папы. Она выступала арбитром при решении вопросов, находившихся в компетенции дипломатии или армии. Например, при династии Валуа Диана де Пуатье положила конец войне в Италии (Като-Камбрезийский мир, 3 апреля 1559 года), а при Людовике XV мадам де Помпадур назначала генералов и командовала ими. Ключевое положение фаворитки, с одной стороны, и ревность, задетое самолюбие и достоинство, с другой, создавали порой трудности и напряженность в отношениях с королевой, тем более что у жены было больше обязанностей в доме короля, чем у фаворитки. Будучи в подчиненном положении и служа королеве, фаворитка в то же время принимала услуги от самого короля. Если обычно королева отступала перед неудачей и смирялась с судьбой, то дофина, дофин и принцессы могли повести себя по-другому. Но король оставался их господином, и ему редко осмеливались открыто выказать досаду, пренебрежение или враждебность. Непокорные рисковали получить строгий выговор, подвергнуться опале или иному наказанию, от гнева короля никуда не скроешься. Дофина Мария-Антуанетта, слишком явно выступив против Дюбарри, официальной любовницы Людовика XV, получила холодное напоминание от своей матери, Марии-Терезы Австрийской, написавшей ей без обиняков: «Если король проявляет внимание к той или к иному, этого вполне достаточно, чтобы вы выказали тому

человеку свое уважение..., не подвергая критике его достоинства». Любовь короля – это щит, достойный мастерства кузницы Вулкана, и этот щит мог защитить от любой опасности, даже от гнева обманутого мужа. Брантом повествует, как однажды Франциск I, желая переспать с одной из придворных дам, столкнулся с ее мужем, который вознамерился убить свою жену. Король потребовал, чтобы тот отступился от своего намерения под угрозой смерти. «Эта дама была счастлива, – добавляет Брантом, – обрести такого прекрасного победителя и защитника своей чести, поскольку никогда впоследствии ее муж не осмеливался возражать королю, но предоставил ему возможность поступать в отношении этой дамы неизменно по своему желанию». И глубокий моралист извлекает урок из этого анекдота: «Как многие идут на войну, дабы защищать свои земли, и воздвигают королевские гербы над своими дверями, так поступают и эти женщины великих королей, прибегая к их власти как к щиту, так что мужья не могут ничего возразить, ибо каждое слово возвращается к ним на лезвии клинка»². Тем не менее защита имела свои границы. Цветы лилии, даже расположенные в стратегически важных местах, по словам Брантома, не всегда спасали фаворитку от общественного мнения.

Она подвергалась более непосредственной опасности, таившейся в самом сердце монархии: если Трон приравнивался к королевской эксцентричности, Алтарь резко отрицательно относился к полигамии, оскорблявшей догмы религии и глумившейся над ее таинствами. Обычно хорошо встреченная подданными, которые с пониманием относились к двойной жизни государя как к естественной компенсации за его жертву во имя государственных интересов, для церкви фаворитка оставалась возмутительной грешницей. Король Франции, старший сын церкви, игнорировал ее заповеди и вступал в незаконную связь, а часто и не в одну. Духовенство не могло относиться к этому иначе как с осуждением. Правда, выражалось это в мягкой форме, ибо и с небесами можно заключить сделку, да и у церкви возникали свои интересы. Следует отличать доктрину от практики и не удивляться снисходительности прелатов (продиктованной, как правило, личными целями отдельных представителей) и самого папы к возлюбленным французского короля. Нужно принимать в расчет и хронологию: со временем правила благопристойности и нравственности претерпели некоторые изменения и, с большей или меньшей охотой, церковь была вынуждена приспособиться к их эволюции. Прогресс в смягчении нравов, большие усилия по утверждению католичества, влияние эволюции общества и салонов просвещения – таких, как салон Рамбуэ, – все это в комплексе обуздывало характеры, служило сдержанности речей и привычек, лишало любовь ее наиболее грубых тривиальностей. Невозможно представить себе Людовика XIV, заслушивающего фаворитку при всем Государственном Совете, как случалось на три четверти века раньше, при его предке весельчаке-бегарне Генрихе IV.

Отношение церкви – в целом терпимое, часто снисходительное, что иногда вызывалось ее причастностью, – в любом случае оставалось двусмысленным. Разумеется, Боссюэ и Бурдалу без колебаний пользовались возможностями кафедры и привилегиями священнослужителей, чтобы публично клеймить распущенность короля, часто допуская даже оскорбление величества и налагая тяжелые епитимии, редко приводившие к истинному раскаянию. Именно тогда вера и интересы религии вдохновляли великие умы и глубокую набожность, которая умела, если нужно, проявить сдержанность и терпимость. Мы знаем, что Боссюэ мирил Людовика XIV и Монтеспан во время их ссор. Чаще всего представители духовенства добивались доминирующего положения благодаря политической осмотрительности и интересам собственной карьеры. Кардинал Флери (1653–1743), премьер-министр, жаждущий сохранить этот пост, лично привел в постель своему суверену мадам де Майи, чтобы с ее помощью укрепить свое влияние. Если, опираясь на христианскую мораль и таинство брака, начинали открыто призывать к отставке королевской фаворитки – по крайней мере за то, что она грешница и наскучила

² Les Dames galantes, Gallimard, collection Folio, p. 40.

государю, – это делалось лишь для того, чтобы оторвать короля от той партии, где она доминировала, и обеспечить победу ее конкурентам.

Мари-Анн де Майи-Нель (1717–1744) – французская фаворитка Людовика XV, пятая дочь маркиза Луи III де Майи-Нель (1689–1767) и Арманды де Ля-Порт-Мазарен (1691–1729)

Таким образом, возникала некая всеобщая конспирация с целью извинения поведения короля. Общественное мнение сводилось к выражению радости по поводу хорошего здоровья своего государя, который тем самым доказывал свою молодость и силу. Двор активно принимал участие в праздниках и удовольствиях, устраиваемых фавориткой или вдохновленных ею. Политики искали свою выгоду и маневрировали королевской возлюбленной, словно значимой шахматной фигурой.

Но медаль имела и свой реверс. Окруженная льстецами, придворными и обязанными ей людьми, фаворитка имела и множество врагов. Прежде всего, к ним относились ее соперницы, которые завидовали успеху и мечтали вытеснить ее из сердца короля; затем честолюбцы, надеявшиеся сделать быструю карьеру или получить возможность контролировать действия короля, дав ему любовницу, послушную своей воле. Вокруг фаворитки плелись дворцовые интриги, и наступали действительно тяжелые времена. В периоды кризисов она, вполне понятно, должна была выступать козлом отпущения всех грехов короля и служить идеальной мишенью для недовольства и злобы. Все несчастья, катастрофы, неурожай, военные поражения, слишком тяжелые налоги, даже выпавший град, погубивший урожай, – все вменялось ей в вину, и отныне в ее адрес раздавались только слова ненависти и брань – так же естественно, как прежде выказывались почтение и любовь.

Хотя среди фавориток встречались и порядочные женщины или, по меньшей мере, тонкие натуры, они также не избежали неуважения и презрения. С тривиальной и непристойной

жестокостью провозглашалась их аморальность, излишняя роскошь, мотовство, их влияние (непременно пагубное) на короля. Памфлеты смешивали их с грязью и изливали на них потоки нечистот, свидетельствуя о досаде и горечи, накопившейся против «королевской шлюхи».

С XVI по XVIII столетие синтаксис и словарный запас песенок, имевших хождение в Париже, изменился очень мало. Когда Генрих IV узаконил своего сына от Габриэль д'Эстре, то однажды у изголовья своей постели обнаружил дерзкий катрен, сочиненный, вероятно, кем-то из его близкого окружения:

Женитесь, сир, ей-богу,
Теперь ваш род упрочен,
Раз капля воска и свинца
От шлюхи сына прочит.

Народ узнал об этих недоброжелательных строках, и в Париже только и разговоров было, что о королевской возлюбленной и о губительных последствиях слабости к ней короля. То, что действительно могло оказаться важным для Генриха IV – по словам л'Этуалья, написавшего об этом в своем дневнике, – так это одно курьезное происшествие, которое должно было вызвать его раздражение, но король лишь посмеялся. Когда однажды инкогнито Генрих IV пересекал Сену на пароме, он спросил перевозчика, какое впечатление на того производит государь. «Наш король – бравый мужчина, – ответил паромщик, – но у него такая дрянная потаскуха на содержании, которая всех нас разорит».

В XVIII веке «рыбки» против мадам де Помпадур плавали в той же воде, свидетельством чему служат приведенные ниже убогие стихи – без сомнения, возникшие в придворной среде, где маркиза доставляла столько огорчений:

Мелкая мещанка,
Невероятно бойко,
На свой аршин отмерив,
Двор превратила в стойло. (...)

Эта грязная подстилка
Нагло вертит королем.
Раздает награды, деньги,
Ей теперь все нипочем. (...)

На следующий день после смерти мадам де Помпадур весь Париж обошло двустиишие, явно намекавшее на роль, которую ей приписывали:

Под камнем сим лежит жена, что 20 лет в грехе жила,
7 лет распутницей слыла, а 8 сводницей была.

Памфлеты и песенки освещали короля в невыгодном свете, и величие трона забрызгивалось грязью. Людовик XV имел наиболее тяжкий опыт такого рода, и его любовницы стали причиной его жестокого осмеяния, примеров подобного напрасно искать в других государствах. Невероятное пророчество предрекало падение короля, окруженного всеобщим презрением:

Людовик, расточитель благ и подданных своих,
Ты счет ведешь годам по гнусностям, которые творишь.
Послушный раб министра и сквалыги-шлюхи —

Не ведаешь, что час придет, и ты вкусишь горчайшей муки.
Усердье наше с каждым мигом будет уменьшаться,
И пламя бунта в каждом сердце станет возгораться.
Страна твоя истерзана от безуспешных войн,
Ни генерала ты не сыщешь в ней, ни воина.
Ты не найдешь души такой ничтожной,
Чтоб ликовала о твоих победах ложных,
Проклятье лишь тебе от Франции возможно! (...)

Фаворитка могла стать фактором, обесценивающим образ суверена и даже всей монархии. Если, как бывало в некоторых случаях, она пользовалась симпатией, которая даже бросала отблеск на корону (миф о Диане де Пуатье, уподоблявшейся богине, сыграл определенную роль в героизации персоны короля, ее возлюбленного), то при других обстоятельствах любовница способствовала подрыву уважения к королю и, более того, истощению доверия к монархии.

Но довольно часто фаворитка играла совсем другую роль, выступая своеобразной хранительницей и опорой монархии. Оберегая трон от поругания, она концентрировала на себе все протесты и неуважение к Короне обращала на себя. Если в конце царствования короли погружались в распутство (Карл VII, Генрих IV, Людовик XV), то отношение к особе короля резко ухудшалось. Но лишь при Людовике XVI, единственном короле, чья личная жизнь была безупречна, который неизменно сторонился женщин и ломал вековую традицию содержания больших и малых фавориток, народ решился беспощадно выступить против королевской семьи и прежде всего против наиболее уязвимого и прославившегося ее члена – против королевы. Гарантии защиты репутации, которой до сих пор пользовались законные супруги королей, больше не существовало, и супруга монарха сделалась мишенью злобы и неуважения. Совпадение конца эпохи великих фавориток и момента утраты престижа униженной монархией не случайно. Исчезновение защитного экрана позволило поразить монархию в самое сердце.

Таким образом, итог развития этой тонкой и сложной структуры королевской полигамной семьи, не слишком добродетельной и не слишком христианской, в общем оказывается вполне позитивным. Благодаря разделению задач королевы и наложницы двор всецело принял это разделение. Роль королевы величественная, а у фаворитки – она игровая, феерическая и творческая, что защищает от скуки и фактически создает рядом с ней весьма привлекательное место для всего, что есть в королевстве молодого, жизнеспособного и талантливого. Она как бы превращается в привилегированное средоточие созидания и культуры. Шатобриан видел в правлении фавориток «одно из бедствий старой монархии». Это острое и уничижительное мнение нуждается в корректировке. Если иные фаворитки действительно были пагубны для государства, то очень многие принесли славу монархии и ее культуре, которой без них могло бы и не быть.

Наконец, длинный ряд королевских фавориток создает замечательную картину для наблюдения нравов. Не представляя собой чего-то повсеместного, эти нравы распространяются, по крайней мере, на придворное общество, моделируя его поведение, сферу чувств и пристрастие к идеалу королевского величия – объекту преклонения и восхищения. Можно было бы также, скорее ради развлечения, нежели пользы, более подробно исследовать игры галантных волшебниц. Словесная любовь, мифологичная и книжная – все это было хорошо для Дианы де Пуатье. А любовь удалая, раблезианская, мощная? Вне всякого сомнения, Генрих IV и его возлюбленные отвечали этим понятиям. Лавальер? Безоглядно отдаться романтической страсти и нежной любви, не раздумывая о несчастье и предопределении? Монтеспан демонстрирует нам надменную и смущающую, амбициозную и эксцентрическую галантность барокко. В XVIII веке духовную, рассудочную и философствующую любовь мадам де Помпадур противопоставляли распутному и разнузданному промыслу Дюбарри. Развлечениям не

было конца, не упускали даже самых пустячных затей. Но помимо игры угадывается и внутренняя глубина: перед нами те, кто действительно, по-настоящему любил.

Луиза-Франсуаза де Ла Бом Ле Блан (1644–1710) – герцогиня де Лавальер и де Вожур, фаворитка Людовика XIV

Глава первая Дамский двор

С конца XV века происходят глубокие перемены в окружении и стиле жизни французских государей, и вот – перед нами совершенно иное, по сравнению с предшествующей эпохой, грациозное и жизнерадостное зрелище. Двор феминизируется, королева и принцессы оказываются в окружении настоящих эскадронов молодых женщин, создающих в королевском дворце атмосферу постоянного праздника. Благодаря им в лучшую сторону обновляется стиль поведения, разнообразнее становится досуг и, главное, изменяется психология привилегированных обитателей королевского дома.

До этого времени двор, заполненный королевскими слугами, сановниками и советниками, оставался почти полностью мужским. Обычные посетители-мужчины приводили с собой своих жен только в исключительных случаях: на пиры, балы и турниры. Разумеется, к услугам королевы и принцесс всегда имелось несколько дам для компании, но совсем немного, очень незаметных и скромных. Они не играли сколько-нибудь значительной роли. У короля и членов его семьи было мало шансов выделить среди них кого-либо. В утешение мужчинам, часто позволявшим себе грубости с этими немногочисленными дикарками, оставалось, согласно выражению того времени, «посещать двор». Действительно, в штат королевского дома входил бордель, хорошо подобранный и оплачиваемый из государственной казны, просуществовавший вплоть до конца правления Франциска I. Например, в 1540 году королевский казначей каждый месяц выплачивал 45 ливров Сесилии де Вьевиль, «даме девиц радости за службу при дворе», в качестве содержания и вознаграждения за ее услуги³.

Однако даже в эпоху королей-рыцарей бывало так, что преимущественное право мужчин отодвигалось на второй план, а двор превращался в какой-то «ларец», наполненный нимфами, нимфетками, обожанием, парчой и вожделением. Первый подобный случай произошел при Анне Бретонской, которая в 1491 году стала французской королевой. Она создала, устроила и прославила двор королевы и дворы принцесс. У нее имелось 9 дам и от 35 до 40 фрейлин. Позднее она увеличила их число. У Екатерины Медичи было уже более ста дам и фрейлин. Королева Анна, которую молва считала целомудренной и жеманной, требовала от своих придворных дам большей дисциплины, заставляя их заботиться о разумной мере удовольствий и нравственном самоконтроле. Она отбирала только красивых девушек – они ведь нужны для украшения двора – и серьезно относившихся к нравственности, ибо в те грубые времена девушке требовалось постоянно противостоять естественному распутству мужчин, которые, по мнению Анны, нуждались в очищении. Рассказы Брантома неистощимы на тему об этой преувеличенно добродетельной государыне и ее фрейлинах, в поведении которых она не терпела никаких нарушений или необдуманных поступков. «Ее двор, – сообщает Брантом, – был прекрасной школой для дам, она замечательно их там воспитывала и обучала, по образцу ее самой они получались весьма умными и добродетельными». Анна проявляла о них непрерывную заботу, богато одевала, выдавала замуж, снабжала приданым, защищала от всех опасностей, подстерегавших неопытных молодых женщин в жизни, где соблазн велик, а соблазнитель всегда готов пойти на приступ. «Мудрая королева, – писал Шарль де Сен-Март, – не желала, чтобы ее дом был открыт для всяких опасных персон, от которых нечего ждать дамам и девицам, кроме непристойности и сладострастия»⁴. Влияние Анны воистину творило чудеса. Образованная, любительница книг и чтения, она собрала библиотеку, насчитывавшую около полутора тысяч томов,

³ Laviss, Histoire de France, t. V.

⁴ Цит. по: Toudouze, p. 158.

большую часть манускриптов Карл VIII привез ей из Италии. Она жила в окружении поэтов – Лемер де Бельж, Жан Маро, которые внесли свой вклад в формирование изысканных вкусов при ее дворе. Пение и чтение вслух Священного Писания и исторических рассказов занимали совместный досуг этого сообщества, столь ценившего радости духовного времяпрепровождения. Со скромностью и изяществом окружение Анны провозгласило салон хороших манер – начинание, которое позднее получит новый блеск благодаря стараниям мадам де Лафайет и мадам де Рамбуйе.

Франциск I расширил и приукрасил дамский двор, так мило устроенный в королевском дворце благочестивой Анной. Брантом считал эту королеву первооткрывательницей очаровательной традиции, столь значимой для французской монархии. «Она впервые, – с восхищением писал он, – завела великий дамский двор, существующий до нашего времени. У нее была очень большая свита из дам и девиц, и ни одной из них она ни в чем не отказывала. Весьма часто она осведомлялась у отцов тех дворян, что находились при дворе, есть ли у них дочери, и если были, то требовала их к себе»⁵. С того момента их присутствие становилось постоянным, в их обязанности входило соблюдение хорошего тона и правил учтивости, а также – не отставать от меняющейся моды двора. Франциск I желал, чтобы двор сделался еще более великолепным и дамы украшали его собственным блеском. Они должны были быть неизменно красивы, ярки, чувственны и пробуждать желание. Он преподносил им наряды, самые богатые ткани⁶, поощрял их стремление к роскоши, а начинающих вовлекал в галантные игры. «Не было при его дворе никого из знати, как мужчин, так и женщин, кто бы не устраивал и не участвовал в торжествах, праздниках, турнирах и поединках, маскарадах или шествиях с переодеваниями. Я видел сундуки и гардеробы некоторых дам того времени, они были столь полны платьями, пожалованными королем по тому или иному случаю, что являли собой истинное изобилие»⁷.

То, что женщины оказывали на мужчин большое влияние, облагораживали, избавляли от грубых привычек, от резкости и жесткости в проявлении чувств и в обращении, – все это современники очень хорошо понимали. Молодой герцог Бульонский Анри де ла Тур д’Овернь рассказывает в мемуарах о своем воспитании, которым он был обязан одной красавице. Появившись при дворе в возрасте 12 лет в 1567 году, будучи еще, без сомнения, неподготовленным должным образом, он был приписан по обычаю того времени к одной даме, то есть к наставнице, уже обученной дворцовым правилам. «Я очень старался, – сообщает он, – угождать ей и заставлял ей служить, насколько позволял мой гувернер, моих пажей и лакеев. Она относилась ко мне очень внимательно, поправляя меня, если ей казалось, что я допустил неловкость, бестактность или неучтивость. И все это с такой естественной простотой, которая словно родилась вместе с ней. Никто другой не оказал мне такой помощи, вводя меня в мир и подробно знакомя с жизнью двора»⁸.

⁵ Les Dames galantes.

⁶ Стоимость платья определялась ценой ткани, а труд портного почти ничего не стоил. Мода в отношении фасонов одежды менялась очень медленно, но вот ткани быстро входили и выходили из моды.

⁷ Les Dames galantes.

⁸ Цит. по: Solnon, La Cour de France.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.